БОГЪ НЕ БІЕТЪ ПАЛИЦЕЮ.

(РАЗСКАЗЪ.)

ПИСАЛЪ:

ГОРКГЕДЬ.

Цѣна 4 филлеръ.

УНГВАРЪ,
КНИГОПЕЧАТНЯ АКЦІЙНАГО ОБЩЕСТВА „УНІИ“.
1903.

„Не будь свѣткомъ фалшивымъ
противъ ближняго твоего.“

Сидитъ корчмарошъ въ корчмѣ. Уже коло 10-ой годины есть вечеромъ. Вонъ великій морозъ... снѣгъ падетъ и хотяй уже такъ тихо въ селѣ, онъ не годенъ спати. Велику журу маетъ!

— Што тобѣ мой Мошику — звѣдаетъ его Рухля — што ты не спочинешъ? Цѣлый день біешь собовъ якъ песъ и еще и теперь ся мучишь. Ци головка тя болитъ?

— Ай вай Рухльо, не докучай ты мене! тать знаешь ошъ треба ми ити на право. Не маю свѣтки... утрачу право и еще и запертый буду!

— Но но! Мошику то не велика бѣда! — научаетъ его жона. На томъ легко помочи. Ты многихъ помагаешь. Ивана сусѣду, Мѣшу и другихъ дурныхъ русиновъ можешь собѣ найти, котрѣ будутъ тобѣ свѣдчити за добрый алдомашъ.

— Правду маешь Рухилко моя — зрадовался жидъ. Тать адде самъ дякъ мавъ одно дѣло, та поивъ свои цѣмборы то туй въ нашой корчмѣ, то до себе водивъ закусовати, чимъ ся лишь провиднило. Кедь его свѣтки побожилися, чомъ бы ся не побожили мои у ярашбирова?

*

Провиднилося. Мошка давъ прикликати Ивана и Мѣшу. Гоститъ ихъ... и они пютъ — бо якъ жидъ кажетъ теперь и не треба платити. Упили уже по два... по три... и уже и шестый промыкаютъ. Тогды жидъ кажетъ:

— Чеснѣ люде! видите якъ я васъ люблю. Много гостится у мене за грошѣ... та уже разъ хотѣвъ емъ васъ почестовати, бо знаете, теперь таковый свѣтъ стоитъ, што оденъ человѣкъ безъ другого не годенъ жити. Видите и вы безъ мене нѣтъ и я безъ васъ нѣтъ. Ци не правда?!

— Ой правда сусѣдо! потаковали обое.

— Но, кедь правда, тогды уже могли бы есте и дѣломъ указати. Знаете менѣ треба буде ити у право изъ Станкомъ... та треба бы ми двохъ такихъ честныхъ якъ вы двое, чтобы ми свѣтчили, что еге я уже давно хосную айно телекъ и что Станко ми много довженъ... Тать вы знаете!... и... и будете ми за свѣтки.

— Угу! мы будеме! знаеме мы. Знаеме и то, что Станко еще больше вамъ долженъ якъ и коштуе тотъ телекъ — кажетъ уже клѣпаючи Иванъ.

— Такъ ся и стало. Изтокмилися за алдомашъ и по одной корунѣ. Прійшолъ день и они помахали на Мошковой кочіи запнсатися у пекло, невидного Станка изъ великимъ его семействомъ привести на ковдошство.

Станко утративъ право и посему безъ хижѣ и хлѣба мусѣвъ бѣдовати изъ вусѣмъ маленькими дѣточками, борючися съ голодомъ великимъ. Дуже шумный былъ, найпаче тогды, коли Иванъ и Мѣша въ очи ся ему сміяли. Покойность его не увела... терпѣлъ. Зналъ что Богъ всемогущій не біетъ палицею.

*

Минули яки'сь годы. Вшитко ся обернуло. Ходитъ по улици оденъ старый обдертый рындавый старецъ йойкаючи . . .

— Ой жиде . . . жиде! . . . штос' ня заѣвъ — йойкаючи идетъ Иванъ коло фары, въ которой тогды новый священникъ жилъ.

Священникъ, еще не знялъ обстоятелства. Закликалъ его.

— Что вамъ есть — вопрошаетъ его.

— Почаловалъ ня жидъ — отвѣтуетъ Иванъ.

— Котрый жидъ?

— Та они пане отче не знаютъ? Онъ маетъ май великый склепъ (бовтъ) еще и паленку продаетъ. Тамъ жіетъ коло моста. Я еще легѣнь былъ, коли отецъ его изъ Полщи приволочился. Дуже бѣдный былъ. Еще и болше голодовалъ, якъ я теперь. Мы пошкодовали его . . . . хлѣба есме ему давали . . . и сынъ его уже теперь первый богачъ въ селѣ. Тотъ мене занесъ у бѣду . . . .

— Священникъ лишъ слухаетъ дале . . . .

— Уже вусѣмъ-десять годовъ маетъ быти тому — продолжаетъ жалосно Иванъ — што, коли я ишолъ коло него и онъ закликалъ мене въ склепъ. И погаръ паленкы ми далъ. До сего часу и не познавалъ емъ паленку. Дуже ми ся добрѣ впало . . . Далъ ми еще и другій . . . третій и не памятаю еще колько. Отъ того часу все емъ пилъ.

— Ой старый ты Иванку — казалъ ми Мошко. Не добро тобѣ самому дома. Не маешъ кто бы тя обыходилъ . . . кто бы ти чистое шатя готовилъ . . .

— Я помахалъ головою и онъ дале казалъ;

— Ци такъ Иванку, ви не любите жиды?! Есе не гораздъ. Жиды добрѣ люде . . . и я доб-

рый и Гершко добрый... всѣ до одного добрѣ. Мы никогда ся не сердиме, хоть што кажете. Коли купчите у мене все кажете; ану ряндавцу! ану цибулянику!... тай я ся и не гнѣваю... ги вы...

— Коли уже хотѣлъ емъ ити гетъ, имивъ ня за руку...

— Иванку прійди и завтра! Много знаешъ говорити, ученый есь человѣкъ... Дома и такъ не чекаетъ тя никто и мы ти ся дуже радуеме... Прійди и заутра!...

— Пошолъ я другій день. Пошолъ и третій и потому все! Пити и ѣсти ми давалъ... я радовался сему.

Напоминали ня люде... напоминали ня и паны, но я болше вѣровалъ жидови, якъ духовнику. Много емъ пилъ и уже ни могъ емъ ся былъ лишити. Мошко и жона его Рухля, што ми лишъ потребно было, давали ми. Я хвалился по селу. Хвалилъ Мошку, што якъ добрый никого не почалуетъ... отъ него треба купчити. И Мѣша послухалъ мене. Сталъ и онъ май часто ходити, но до Гершка...

— Жидъ радовался и еще лучше ми убагалъ. Лучше ня обыходила Рухля...

— Минувше оденъ рокъ кажетъ менѣ:

— Иванку! ци послухашъ мене... хочу ти штось казати?

— Што бы то было?!

— Прійди до мене жити. Шатя, ѣсти, пити и что лишъ пожадашъ дамъ ти, лишъ пусти ми землѣ хосновату! Не будешъ журы мати!

— Я присталъ. Еще и радовался, што не треба ми буде трудитися... жидъ лишъ посмѣш-

ковался и еще болше ми давалъ пити. Вшиткѣ желанія моя исполнялъ . . . и я дуже ся напивалъ.

— Смутно слухалъ новый священникъ и магнулъ головою на Ивана, что най говорить дале . . .

— Опятъ минулъ оденъ рокъ — говоритъ дале уже слезаными очами. — Жидъ съ новымъ предложеніемъ сталъ.

— Иванку! ци такъ што платишъ порцію?

— Плачу! — отвѣтовалъ емъ.

— Не любилъ бы ты ся мнянтовати сего тирха? Я ти ухожу!

— Я его дуже попросилъ. Мнянтовалъ емъ ся отъ порціи. Теперь бы я любилъ опятъ платити, но уже не можъ. Переписалъ емъ и землѣ на него, чтобы ми порцію не треба платити. За се былъ великый алдомашъ. За три дны емъ пяный былъ, но четвертый уже настала бѣда. Не давалъ ми пити, но все взялъ порожню фляшку, указовалъ ми и сміялся. Познѣше и ѣсти ми не далъ но прогналъ и теперь хожу безъ ничего . . . Ой такъ отче, такъ! — йойкаючи говоритъ Иванъ — на сякую я бѣду прійшолъ на старость. Теперь хыба дагде подъ городиною умерти! А еще кедь бы былъ емъ лишь себе показилъ. Подъ тымъ часомъ у жида все ходилъ емъ Мошкови свѣтчити. Адде не давно Станка емъ привелъ на ковдошкій хлѣбъ изъ вусѣмъ маленькими дѣточками . . . теперь не давно Мѣшу . . . и еще дуже многихъ.

— Смутное дѣло — каже на сіе священникъ — что въ такой есте нещасти. Но еще и отъ того майсмутное то, что такъ на легко есте ся божили. Видите и самъ Господь Богъ наказуетъ: „не будь свѣткомъ фалшивымъ, противъ ближняго твоего!“

Вы Иване фалшивымъ свѣткомъ были. Вы могли знати изъ наукы божой, что кару получитъ отъ Бога такій человѣкъ, котрый ближнього своего уничтожить!

— Ой пане Отче! — помахалъ головою сумно Иванъ — зналъ бы былъ я, но я не ходилъ до Церкви. Много есть окремъ мене и другихъ, которѣ не ходятъ, еслиже даколи и пойдутъ слухати проповѣдь, жидъ ихъ изговоритъ, чтобы не вѣровали попови.

Священникъ услухалъ Ивана. Изъ бесѣды его дознался доразъ обстоятелства села и вѣрниковъ. Сію наукъ далъ Ивану.

„Видите Иванку! Се отъ Бога есть, что такъ на бѣду есте прійшли. Фалшивость и свѣтскій законъ такъ караетъ, что по правдѣ вамъ и теперь бы у темници сидѣти.“

— Иванъ припудился!

„Уже и погане страшенно каровали сей грѣхъ. Кто фалшиво ся божилъ, на смерть его усудили. Оденъ человѣкъ, коня задарнього хотѣлъ имѣти и наялъ двохъ, чтобы ему свѣтчили при томъ, что онъ уже уплатилъ цѣну коня. Свѣтки ся побожили, но посягнула ихъ рука Божа. Подъ однымъ тыжднемъ оба померли а того человѣка повѣсили. Покаралъ Богъ и сякъ покаралъ и свѣтскій законъ сякій грѣхъ. Фалшивый человѣкъ горшый есть отъ пса, бо песъ не покусать господина своего, а фалшивый человѣкъ еще и самого себе заѣсть. И вы въ семъ грѣсѣ есте! За фалшивое боженіе покаровалъ васъ Богъ тымъ, что утратили есте имѣнія и обманулъ васъ жидъ. Вы теперь на старость уже ничъ не имѣете лишь одну безсмертную душу, которую можете обчистити. Лишѣтся паленки,

лишѣтся жида и служѣть Богу, онъ утѣшитъ васъ. Усповѣдайтеся и дайтеся записати въ ружанци, увидите якъ милостивый есть Богъ.“

— Ивану на сердце впали слова священника. Погадалъ собѣ вшитко. Прійшло ему на гадку и то, что якъ онъ смѣялся Станкови въ очи, коли его показилъ. Сталъ жалостно плакати. Отклонился отъ священника и пошолъ.... Где? Не имѣлъ где, пошолъ на конецъ села подъ крестъ и тамъ размышлялъ о той правдѣ, что Богъ не біетъ палицею.

*

Иванъ совсѣмъ покаялся. Записался въ ружанци. Отъ того часу все веселый былъ. Священникъ и другіи вѣрники помагали его и онъ, якъ добрый вѣрникъ умеръ. Живота своего послѣдный рокъ примѣромъ служилъ и другимъ, такъ что многіи лишилися паленки, найпаче когда сталося, что градъ уничтожилъ урожай по полю а жида громъ изпалилъ.

Се рука божа была... на которую и умираючій Иванъ напоминалъ людей кажучи: „слухайте на духовника, варуйтеся жида и не божѣтся фалшиво, бо Богъ не біетъ палицею!“